

Ключевые слова: конфликт, максима, тональность, эмоциональность.

Kozlova O. Maxim principles violencing due to influence of negative emotions.

The article elucidates the reasons of the violation of communicative maxims under the impact of the negative emotions. Special attention is drawn to the character of tonality, raising tone and also the diversity of the communicative intentions of the speakers. In conclusions highlighted the reasons of violation communicative principles in English dialogues under the impact of negative emotions. Also were distinguished the types of tonality.

Keywords: conflict, emotionality, maxim, tonality.

Колодько Д. А.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

МЕРОНИМИЯ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена вопросу терминологического оформления меронимических отношений. Представлен обзор наиболее часто используемых терминов, предлагается терминологический инструментарий для изучения меронимов в русском языке.

Ключевые слова: меронимия, холо-партитивные отношения, холоним, партоним.

Все предметы окружающего мира логически взаимосвязаны, а системность реального мира находит свое отражение в языке. Прежде всего, это проявляется на лексическом уровне при распределении слов по семантическим полям, представляющим собой совокупность лексических единиц, “объединённых общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу” [8]. Связи языковых единиц в пределах семантического поля различаются по степени общности лексем. Традиционно говорят о корреляции синонимии, антонимии, конверсии, гиперо-гипонимии и несовместимости.

Свое место в этом ряду занимают отношения меронимии, поскольку корреляция части и целого является одним из основных типов связей между предметами реального мира. Данная бинарная категория, приобретая соответствующую интерпретацию, изучается не только в языкознании, но и в целом ряде других гуманитарных наук: в философии, логике, психологии, социологии, культурологии.

Понятия “часть” и “целое” относятся к фундаментальным философским категориям, отображающим общие свойства материи, воплощающим одну из важнейших особенностей мышления человека и одновременно общие направления процесса познания – от части к целому и наоборот. Исключительная важность и глобальность отношений части и целого неоднократно подчёркивалась в работах отечественных и зарубежных философов, пытавшихся определить место таких отношений в общей системе философских категорий, проследить закономерности соотношения целого и его составляющих, установить типы целого и соответствующие разновидности частей (П. В. Алексеев, А. В. Панин, А. М. Кузнецов, Е. К. Войшвилло и др.). Результаты исследований в этой области отражены в общеизвестных антиномиях части и целого:

1. Целое – это сумма частей. Целое больше суммы частей.
2. Части предшествуют целому. Целое предшествует частям.
3. Целое – всё, часть – ничто. Часть – всё, целое – ничто.

4. Целое причинно обусловлено частями. Целостный подход противоположен причинному и исключает его.

5. Целое познаётся через знания частей. Части как продукт расчленения целого могут познаваться только на основании знания о целом [4, с. 736].

Исходя из этого, категории *часть* и *целое* – “это категории, которые выражают отношения между совокупностью предметов (или элементов отдельного объекта) и связью, которая соединяет эти предметы и приводит к появлению новых (интегративных) качеств и закономерностей, не свойственных предметам в их разъединённости” [4, с. 735–736].

В культурологии отношения *части* и *целого* рассматриваются с точки зрения их системности, возможности разлагаться на элементы, за каждым из которых закреплена определённая функция: “Отношения “части” и “целого” соотносятся как капля и океан, как желудь и дуб, зерно и колос, как эмбрион и развитое целое. Иначе говоря, в каждом элементе целостности в свернутом виде закодирована та программа, позволяющая эмбриону саморазвиваться, эволюционировать и превращаться в целостность иного порядка” [1, с. 31].

Психологи изучают взаимоотношения категорий *части* и *целого* в восприятии человека: “Каждый предмет является сложным целым и обладает многими свойствами. Воспринимая его как целое, мы вместе с тем воспринимаем и отдельные его части. Обе эти стороны восприятия теснейшим образом связаны между собой: восприятие целого обусловлено восприятием его частей и свойств, в то же время оно само влияет на их восприятие” [5, с. 218].

В логике традиционно различают два основных типа отношений между предметами и явлениями реального мира: “род – вид” и “целое – часть”. При этом, как правило, указывают на то, что *род* и *вид* являются абстракциями, существующими только в сознании человека и представляющими собой последствия его интеллектуальной деятельности. В отличие от них *целое* и *часть* являются реальными объектами. Эти отношения аналогично интерпретируются в лингвистических исследованиях. Так, М. В. Никитин разделяет родо-видовые отношения и отношения “часть-целое”, фиксируя их принципиальное отличие в том, что первые отображают иерархию общего-частичного в вещах, что не пребывают во взаимодействии, а вторые воплощают связи вещей, которые обязательно взаимодействуют или зависят друг от друга [7].

Следует отметить, что корреляция части и целого активно изучается в современной лингвистике. Фундаментальной основой для изучения такого типа отношений стали работы целого ряда западных исследователей (Е. Ляйзи, Д. А. Круз, Р. Чаффин, Д. Герман, А. С. Шелли, Е. М. Винстон и др.) и отечественных лингвистов: Э. В. Кузнецова, Б. А. Плотников, М. В. Никитин, И. А. Стернин и З. Д. Попова, М. А. Кронгауз, Л. В. Глобина, Т. С. Маркарова, Ю. М. Русина, Н. С. Рыжук, С. В. Киселева, Е. В. Материнская, Г. В. Ситар и др.

По мнению А. Вежицкой, понятия части и целого лежат в основе человеческой коммуникации и мышления и подлежат лексикализации во всех языках мира [2]. Среди русистов одним из первых о необходимости глобального изучения партитивных отношений заявил М. В. Никитин: “Очевидно, что отношения часть - целое пронизывают весь мир снизу доверху, от микро- до макрокосмоса, от элементарных частиц до галактик. Они охватывают вещи всех уровней сложности, организуя их в многообразные многоступенчатые иерархии частей – целых, элементов – систем (структур). Эти отношения столь же универсальны и глобальны, как многообразные

многоступенчатые иерархии вещей, образуемые общностью присущих ей признаков и закономерностей” [7, с. 88].

Однако, несмотря на всеобъемлющий характер такого рода отношений, в лингвистике *партитивность* (от англ. *part* – “часть”) как проявление корреляции “часть-целое” изначально изучалась в разделе грамматики: *партитив* как частичный (разделительный) падеж в финно-угорских языках (Г. М. Керт, А. Лаанест и др.), так называемый “родительный частичный” в славянских и германских языках (О. Есперсен).

Лишь во второй половине XX века стали все чаще появляться работы, посвящённые изучению лексической репрезентации части и целого в русском языке (Л. В. Глобина, О. В. Горбунова, Л. А. Беловольская, Т. П. Перетяцько и др.).

При этом, несмотря на активные научные поиски, терминологический аппарат в данной области не является сформированным и общепринятым и по сей день требует уточнения и дополнения.

В зарубежных теоретических источниках наблюдаются следующие тенденции использования лингвистических терминов для обозначения отношений между частью и целым: в английском языке – *part - whole relation / parts and wholes*; в немецком языке – *Teil - Ganzes Beziehungen / Relationen*. В своей работе “Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen” Е. Ляйзи использует термин *партитив* для номинации существительных, обозначающих несамостоятельную часть индивидуума (целого), а Р. Чаффин и А.С. Шелли предлагают термин *мероним* (от др.-греч. *μέρος* – “часть” и *ὄνομα* – “имя”). Для обозначения отношений “часть-целое” в зарубежном языкознании наиболее регулярными являются термины *партонимия* (от англ. *part* – “часть” и др.-греч. *ὄνομα* – “имя”), или *партитивность*, и *меронимия* (Е. Ляйзи, Д. А. Круз, Е. М. Винстон, С. Браун).

В русистике вышеперечисленные термины закрепились относительно недавно. Традиционно использовались терминологические сочетания: *отношения между частью и целым*; *соотношение часть-целое*. Одним из первых, кто предложил обозначать корреляцию части и целого термином *меронимия*, был М. В. Никитин. Наряду с термином *холоним* (от др.-греч. *ὅλος* – “целое” и *ὄνομα* – “имя”), обозначающим часть целого, им предлагаются термины *партоним* и *мероним* для обозначения части, а сами отношения исследователь предлагает называть *холопартитивными*. В качестве однословного субстантивного обозначения партитивных отношений исследователь считает целесообразным использовать термин *партонимия* [7, с. 88]. Вслед за ним Л. В. Глобина, Н. С. Рыжук и др. обозначают часть как *партитив*, целое – как *холоним*, а сами онтологические отношения целого и части – как *партитивные*.

Л. В. Глобина делит партонимы на сильные и слабые, а также выделяет три разновидности *партонимов*:

- 1) партином (сильный партоним);
- 2) партитив (сильный партоним);
- 3) конгломератив (слабый партоним).

Исследователь отмечает, что “основное семантическое различие данных наименований состоит в том, что если у партинома и партитива сема принадлежности денотата как части к некоторому целому входит в ядро (интенционал) значения, то конгломератив содержит аналогичную сему в периферии (импликационале) значения. Таким образом, к партонимам и партитивам относятся все имена, определяемые через общее понятие части; к конгломеративам относятся все имена со свободной структурой, такой, что зависимости частей от целого не столь жестки, чтобы

формировать качество обозначаемых вещей и быть условием их существования” [3]. Однако, на наш взгляд, предложенный Л. В. Глобиной терминологический аппарат, не отражает всей сути меронимических отношений, поскольку чётких границ в различении терминов *партином* и *партитив* нет. Термин *партином* встречается также в работе М. В. Никитина, который отмечает, что при выборе из двух возможностей квалификации денотата – по его месту в гипонимических и партитивных иерархиях – и мышление, и язык отдают предпочтение родо-видовому определению (*стул* – вид мебели, а не часть мебельного набора), что связывается с различением двух типов целых – органических и неорганических (механистических). Вещь как элемент органической системы определяется через целое, а имя ее класса имеет своей гиперсемой понятие о части такого целого. Такие имена М. В. Никитин относит к кругу собственно *партиномов* (*день* – светлая часть суток). То есть к *партиномам* относятся все имена, определяемые через общее понятие части и его частные разновидности. Понятие же о “части” и имя этого понятия обозначаются как *партитивы*. Они могут быть многоступенчатыми, образуя эндоцентрические ряды: *батальон – рота – взвод – отделение; дерево – ветка – (побег) – лист – черешок* и т.п.

Конгломераты, по мнению исследователя, представляют собой слабые партитивы, обозначающие множество вещей со свободной структурой. Например, *стол, стул, потолок, стена, дверь* объединены общей идеей комнаты и являются названиями её частей. Такие слова объединяются в лексико-тематические, или тематические группы. Указанные семантические отношения М. В. Никитин обозначает как *конгломеративные*; слова, связанные такими отношениями, называет *конгломеративами*, которые объединяются в *конгломеративные группы*. У *партитивов* общее значение партитивности представлено в гиперсеме, у *конгломеративов* – в импликационале их значений [7].

Изучая терминологический инструментарий в области меронимических отношений, следует обратить внимание на исследование Е. В. Материнской, которая рассматривала двухкомпонентные именные конструкции с функцией словесной материализации отношений части и целого в английском и немецком языках, называя их *партитивными* (*килограмм муки, стакан сока, метр ткани, треть дистанции, пятьдесят процентов площади, трое из присутствующих* и т.п.). Для обозначения части исследователь предлагает использовать термин *мероним*, для обозначения отношений часть-целое – термин *меронимия* [6].

Таким образом, наиболее точно и чётко отображают суть отношений между частью и целым терминологические обозначения, предложенные М. В. Никитиным: общее значение отношений части и целого представлено в терминах *меронимия*, или *холо-партитивные отношения*; значение целого – в термине *холоним*; значение части – в термине *партоним*.

В дальнейшем предполагается изучение различных подходов к классификации меронимов, а также выявление их семантических подтипов.

Л и т е р а т у р а :

1. Андреев А. Н. Культурология. Личность и культура / А. Н. Андреев. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 255 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1996. – С. 291–325.
3. Глобина Л. В. Лексико-семантическое поле партитивной лексики в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Глобина ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 1995. – 205 с.
4. Кузнецов А. М. Поле / А. М. Кузнецов ; гл. ред. В. Н. Ярцева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 380–381.
5. Маклаков А. Г. Общая психология. Учебник для вузов / А. Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2012. – 583 с.

6. *Материнская О. В.* Система меронимов в немецком и английском языках : дисс. ... докт. фил. наук : 10.02.04 / О. В. Материнская. – Донецк, 2013. – 403 с.
7. *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики : учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вуза / М. В. Никитин. – С.-Пб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
8. Русский язык. Энциклопедия русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russkiyyazik.ru/809/>

Колодько Д. А. Меронімія: до питання про термінологію.

Статтю присвячено питанню термінологічного оформлення меронімічних відношень. Представлено огляд найбільш використовуваних термінів, пропонується термінологічний інструментарій для вивчення меронімів у російській мові.

Ключові слова: меронімія, холо-партитивні відносини, холонім, партонім.

Kolodko D. A. Meronymy: to the question of terminology.

The article investigates the terminological processing of meronymic connections. The overview of the most frequently used terms is provided. The terminological system for studying meronyms in Russian language is offered.

Keywords: meronymy, whole-part relations, holonym, partonym.

Кравцова Ю. В.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ

В статье рассматриваются проблемы изучения языковой личности писателя в контексте общей теории языковой личности – лингвоперсонологии. В связи с этим представляется актуальным выявление основных тенденций и прогнозирование перспектив развития лингвопоэтической теории языковой личности автора.

Ключевые слова: языковая личность, языковая личность писателя, модель языковой личности писателя.

Изучение языковой личности является одной из наиболее сложных и многовекторных проблем современной лингвистики. Основы теории языковой личности были заложены в трудах В. Гумбольдта, Л. Вайсгербера, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура и др. Понятие языковой личности, введенное в научный узус В. В. Виноградовым (1930), получило глубокое теоретическое обоснование и широкое распространение в языкознании благодаря работам Г. И. Богина (1984) и Ю. Н. Караулова (1987, 1989, 1992, 2009). Языковая личность, изучаемая в психолингвистике, социолингвистике, лингводидактике, лингвокогнитологии, лингвокультурологии и лингвопоэтике, стала основным объектом исследования новой интегративной отрасли языкознания – лингвистической персонологии, или лингвоперсонологии (В. П. Нерознак). Теория языковой личности очень плодотворно развивается в работах К. Ф. Седова (1999, 2004), С. Г. Воркачева (2001), Е. В. Иванцовой (2002), Л. А. Шестак (2003), Н. Д. Голева (2004, 2009), В. И. Карасика (2004, 2007), И. А. Сеницы (2006), З. Р. Хачмафовой (2010), Л. Н. Чурилиной (2011), А. Г. Салаховой (2013) и др.